
Невеста
по контракту
ДАНИИЛ ПАВЛОВ

Даниил Павлов
Невеста по контракту

https://litres.ru/74713083
SelfPub; 2026

Аннотация

Она согласилась стать его невестой за деньги.

Он думал, что покупает её молчание.

Ева Морозова не верит в любовь. После того как её жених сбежал из-под венца, а мать умерла, оставив долги, она научилась одному: рассчитывать только на себя. Три работы, старая квартира с пятном на потолке и гордость, которую она не готова продать ни за какие деньги.

Александр Волков не верит в любовь. Брошенный матерью в семь лет, преданный невестой, которая ушла к его брату, он научился другому: покупать всё - компании, картины, людей. Всё имеет цену. Всё продаётся.

Он привык покупать всё. Кроме неё.

Она привыкла не верить никому. Кроме него.

Даниил Павлов
Невеста по контракту

Глава 1. Сделка с миллиардером

Ева Морозова не верила в любовь с первого взгляда. Она вообще не верила в любовь — ни с первого, ни со второго, ни с сотого. Любовь — это то, что заканчивается счётом в ресторане, разбитым сердцем и чемоданом, который бывший жених оставил в прихожей, потому что «так будет честнее».

Честнее. Ева до сих пор ненавидела это слово.

Поэтому, когда в девять утра её машина — старенький «Фольксваген», который она ласково звала «Гербарий» за цвет и возраст, — заглохла прямо на въезде в подземный паркинг бизнес-центра «Волков Тауэр», Ева не удивилась. Скорее, почувствовала мрачное удовлетворение: ну конечно. Именно сегодня. Именно здесь.

— Ну давай, — пробормотала она, поворачивая ключ. — Ну пожалуйста. Я тебя кормлю. Я тебя мою. Я тебе даже имя дала.

«Гербарий» издал звук, отдалённо напоминающий кашель старого курильщика, и замолчал окончательно.

Ева вышла из машины, хлопнула дверью и огляделась. Подземный паркинг «Волков Тауэр» был не просто паркингом. Он был произведением искусства: полированный бетон, идеальная разметка, машины, стоимость которых превыша-

ла бюджет её родного города. Её «Фольксваген» в этом храме роскоши выглядел как дворняга, случайно забредшая на выставку породистых собак.

Она взглянула на часы. 9:02. Встреча с заказчиком — точнее, с целой строительной империей «Волков Девелопмент» — была назначена на 9:30. Ева должна была представить концепцию интерьера для нового отеля их сети. Это был её шанс. Единственный. Потому что кредиторы матери не шутили, а квартира, которую она пыталась спасти, стоила ровно столько, сколько она могла заработать за один контракт с «Волков Девелопмент».

— Только не сейчас, — сказала она вслух, обращаясь то ли к машине, то ли к вселенной. — Только не сегодня.

Вселенная, как всегда, промолчала.

Ева схватила папку с эскизами, рюкзак и телефон, и направилась к лифтам. В голове уже зрел план: позвонить в сервис, оставить ключи охране, пройти на встречу пешком (спасибо, что туфли не на десятисантиметровой шпильке), и молиться, чтобы заказчик не заметил, что она пришла без машины, без секретаря и с пятном от кофе на манжете блузки.

Лифт был стеклянным. Ева поднималась на сорок второй этаж и смотрела, как город уменьшается под ногами, превращаясь в карту. Восемь миллионов человек. И среди них — Александр Волков. Человек, чьё имя она слышала в новостях так же часто, как прогноз погоды. Человек, который

строил отели в Дубае, рестораны в Париже и, по слухам, скупал картины, которые никто не мог себе позволить. Человек, у которого, по слухам, не было ни одного друга, зато был отдел юристов размером с небольшую армию.

Ева не боялась его. Она вообще не боялась мужчин. Она боялась лишь одного: оказаться в ситуации, где от неё что-то зависит, и облажаться. Как сейчас.

Лифт звякнул, двери открылись.

Приёмная «Волков Девелопмент» выглядела так, будто её проектировал человек, который искренне верил, что белый цвет — это не просто цвет, а философия. Белые стены, белая мебель, белый пол. Над стойкой ресепшена висела огромная фотография: мужчина в костюме, смотрящий в окно. Снимок был сделан так, чтобы было понятно: этот человек не позирует, он *снисходит* до того, чтобы его сфотографировали.

— Ева Морозова, — сказала она девушке за стойкой. — На девять тридцать. К господину Волкову.

Девушка — идеальная блондинка с улыбкой из рекламы зубной пасты — подняла на неё глаза и смерила взглядом. Взгляд был профессиональным: вежливым, но сканирующим. Ева почувствовала себя экспонатом.

— Одну минуту, — сказала блондинка и подняла трубку.

Ева отошла к окну. Город внизу был серым, мокрым и каким-то притихшим. Начался дождь. Капли стекали по стеклу, оставляя за собой извилистые следы. Ева прижала папку к груди и сделала глубокий вдох.

Ты справишься. Ты всегда справляешься. Ты выросла без отца, ты похоронила мать, ты пережила предательство человека, которого любила три года. Ты справишься с каким-то там миллиардером.

— Госпожа Морозова? — раздался голос за спиной.

Ева обернулась.

Перед ней стоял не Александр Волков. Перед ней стояла женщина лет сорока в строгом костюме, с папкой под мышкой и выражением лица, которое говорило: «У меня нет времени на твои проблемы».

— Виктория Соколова, помощница господина Волкова. Пройдёмте.

Они шли по коридору, который казался бесконечным. Виктория говорила на ходу, не оборачиваясь:

— У вас сорок минут. Господин Волков ценит своё время. Если он задаёт вопрос — вы отвечаете коротко. Если он смотрит на часы — вы заканчиваете. Если он молчит — вы не заполняете тишину. Это ясно?

— Кристально, — сказала Ева.

Виктория остановилась перед двойными дверями из тёмного дерева, повернулась и окинула Еву тем же сканирующим взглядом.

— И ещё. У него сегодня был тяжёлый день. Не принимайте на свой счёт.

Ева не успела спросить, что это значит. Двери открылись.

Кабинет был огромным. Всю стену занимало окно — от

пола до потолка, — за которым дождь превращал город в размытую акварель. Стол из тёмного дерева стоял по центру, как алтарь. За столом сидел он.

Александр Волков.

На фотографии в приёмной он выглядел как человек, привыкший к тому, что на него смотрят. Вживую он выглядел как человек, которому это надоело. Тёмные волосы, зачёсанные назад, серые глаза, которые, казалось, видели человека насквозь, и челюсть, которой действительно можно было резать стекло. На нём был костюм, который стоил больше, чем её «Фольксваген», и часы, которые стоили больше, чем её квартира. Он не встал, когда она вошла. Просто поднял глаза от бумаг.

— Морозова, — сказал он. Не спросил. Констатировал. — Дизайнер интерьеров. Двадцать семь лет. Портфолио — два ресторана, три квартиры и один отель в Сочи, который закрылся через полгода.

Ева почувствовала, как что-то внутри неё сжалось. Но она не отвела взгляд. Она никогда не отводила взгляд.

— Отель закрылся не из-за дизайна, — сказала она. — А из-за того, что владелец не заплатил строителям. Но вы, наверное, это знаете. Вы же проверяли меня, прежде чем пригласить.

Что-то мелькнуло в его глазах. Что-то, что не было ни раздражением, ни удивлением. Скорее... интересом. Он откинулся на спинку кресла.

— Садитесь, — сказал он, кивнув на стул напротив.

Ева села. Папка с эскизами легла на стол между ними, как флаг на поле боя.

— У вас сорок минут, — сказал он. — Начинайте.

И она начала.

Она говорила о свете, о том, как правильно падающие тени могут изменить восприятие пространства. О том, что отель — это не просто здание, это история, которую гость рассказывает себе, когда засыпает. О том, что каждый номер должен быть не «номером», а «местом, куда хочется вернуться». Она показывала эскизы: лёгкие, светлые, с большими окнами и растениями, которые не требуют ухода, но создают ощущение жизни. Она говорила быстро, потому что знала: если остановится, то начнёт нервничать.

Александр смотрел на неё.

Не на эскизы. На неё.

Ева чувствовала этот взгляд кожей. Он был как физическое прикосновение: тёплый, тяжёлый, изучающий. Она сбилась на полуслове, когда поняла, что он не смотрит на бумаги уже минуты три.

— Что-то не так? — спросила она.

— Всё так, — сказал он. — Продолжайте.

— Вы не смотрите на эскизы.

— Я смотрю на вас.

Ева замолчала. В кабинете стало очень тихо. Дождь стучал по стеклу, и этот звук вдруг показался оглушительным.

— Зачем? — спросила она.

— Потому что я нанимаю не эскизы. Я нанимаю человека. Эскизы можно нарисовать. Человека — нет.

Он наклонился вперёд, опираясь локтями на стол. Расстояние между ними сократилось. Ева почувствовала запах его парфюма: сандал и мята. Неприятно приятный. Опасный.

— У меня есть к вам предложение, — сказал он. — Но оно не о дизайне.

Ева моргнула.

— Простите?

— Мне нужна невеста, — сказал он так спокойно, будто просил передать соль. — На неделю. Максимум — десять дней. Мои инвесторы — семейные люди. Они не доверяют холостякам. Через неделю я закрываю сделку на полтора миллиарда. И мне нужно, чтобы рядом со мной была женщина, которая скажет «да» в нужный момент.

Ева смотрела на него. Она ждала, что он засмеётся. Что это шутка. Что сейчас он скажет: «Расслабьтесь, Морозова, я проверял вашу стрессоустойчивость».

Он не смеялся.

— Вы серьёзно, — сказала она.

— Абсолютно.

— Вы предлагаете мне... стать вашей невестой. За деньги.

— За очень хорошие деньги, — уточнил он. — Я заплачу столько, сколько нужно, чтобы закрыть все ваши долги. Я знаю про кредиторов вашей матери. Я знаю про квартиру. Я

знаю, что вы работаете на трёх работах и всё равно не успеваете.

Ева почувствовала, как кровь приливает к щекам. Он знал. Он всё знал. Он копался в её жизни, как в своём архиве, и теперь сидел напротив и предлагал ей...

— Это отвратительно, — сказала она, вставая. — Вы отвратительны.

— Возможно, — согласился он, не двигаясь. — Но я также единственный человек в этом городе, который может решить ваши проблемы одним звонком. И я предлагаю вам сделку. Не принуждение. Сделку. Вы можете отказаться.

Ева стояла, прижимая папку к груди. Она хотела уйти. Хотела хлопнуть дверью, спуститься на лифте, сесть в свой «Гербарий» (который, чёрт возьми, не заводится) и забыть этот день как страшный сон.

Но она не могла.

Кредиторы звонили каждый день. Квартира — единственное, что осталось от матери. Единственное место, где она чувствовала себя дома. И этот человек, с его серыми глазами и запахом сандала, знал это. Знал и использовал.

— Почему я? — спросила она. — У вас, наверное, очередь из моделей, которые мечтают о таком предложении.

— Модели хотят денег и внимания. Вы хотите денег и независимости. — Он встал. Теперь он был выше её на голову. — И ещё. Вы единственная женщина за последние пять лет, которая сказала мне «нет» в первую минуту разговора.

Мне это нравится.

— Это не комплимент.

— Это факт.

Он обошёл стол и остановился рядом с ней. Слишком близко. Ева чувствовала тепло его тела. Она хотела отступить, но не могла: за спиной была стена.

— Вот моё предложение, — сказал он. — Вы играете роль моей невесты. Десять дней. Вы живёте в моём пентхаусе. Вы присутствуете на трёх ужинах, двух приёмах и одной пресс-конференции. Вы улыбаетесь, киваете и держите меня за руку. Взамен я оплачиваю все ваши долги и добавляю сверху столько, что вы сможете год не работать и рисовать свои эскизы для души.

— А если я откажусь?

— Тогда вы уйдёте. И мы забудем этот разговор.

Он сказал это так просто. Так спокойно. Будто ему было всё равно.

Ева посмотрела на него. На его лицо, которое не выдавало ни одной эмоции. На его руки, которые не дрожали. На его глаза, которые смотрели на неё так, будто она была уравнением, которое он собирался решить.

— Мне нужно подумать, — сказала она.

— У вас есть двадцать четыре часа. — Он достал из кармана визитку и протянул ей. — Позвоните, если решите.

Ева взяла визитку. Их пальцы соприкоснулись на долю секунды. Его кожа была тёплой. Она отдёрнула руку.

— И ещё, — сказал он, когда она уже была у двери. — Ваша машина. «Фольксваген» на парковке. Я распорядился, чтобы её отбуксировали в сервис. За мой счёт.

Ева замерла.

— Вы... что?

— Я видел, как вы въезжали. Камеры на парковке. — Он пожал плечами. — Я не мог допустить, чтобы мой потенциальный дизайнер опоздал на встречу из-за технических неполадок.

Ева хотела сказать что-то колкое. Что-то о том, что он не имеет права распоряжаться её машиной. Что-то о том, что он высокомерный, самоуверенный, невыносимый...

Но она просто открыла дверь и вышла.

В коридоре она прислонилась к стене и закрыла глаза. Сердце колотилось. Ладони вспотели. В голове был полный хаос.

Она ненавидела его. Ненавидела за то, что он знал о ней всё. За то, что он предлагал ей то, что ей было нужно. За то, что он смотрел на неё так, будто видел насквозь.

Но больше всего она ненавидела себя за то, что уже знала: она позвонит.

Глава 2. Двадцать четыре часа

Ева не спала всю ночь.

Это было не то бессонное метание по подушке, когда мозг услужливо прокручивает все твои неловкие моменты за по-

следние десять лет. Это была холодная, трезвая, жестокая бессонница человека, который считает деньги в темноте.

Она лежала на диване в своей маленькой квартире — той самой, из-за которой всё это было, — и смотрела в потолок, где от протечки осталось пятно в форме Австралии. Квартира досталась ей от матери. Вместе с долгами. Вместе с воспоминаниями. Вместе с запахом лаванды, который так и не выветрился из штор.

На кухне тикали часы. Ева считала тики, как считают шаги до эшафота.

Двадцать четыре часа.

Она встала в шесть, хотя не спала. Сварила кофе, который пила, не чувствуя вкуса. Села за стол, разложила перед собой бумаги: счета, письма от кредиторов, уведомления из банка. Цифры складывались в узор, который она знала наизусть. Как таблицу умножения. Как молитву.

Она открыла ноутбук и набрала в поисковике: «Александр Волков».

Результатов было четыре миллиона.

Она листала их, как листают чужой фотоальбом. Вот он на обложке Forbes — тридцать четыре года, состояние в миллиардах, взгляд человека, который никогда не проигрывал. Вот он на благотворительном вечере — в смокинге, с бокалом, который не пьёт. Вот он с какой-то моделью — блондинка, платье, улыбка. Вот с другой. Вот с третьей.

Ева закрыла ноутбук.

— Отвратительно, — сказала она вслух.

Пятно на потолке промолчало.

Днём позвонила Виктория Соколова. Голос у неё был такой, будто она родилась с гарнитурой в ухе.

— Госпожа Морозова, господин Волков просил напомнить: у вас осталось двенадцать часов. Он также просил передать, что если вы решите отказаться, он поймёт. Но если вы решите согласиться, он ждёт вашего звонка до восьми вечера.

— А если я не позвоню?

— Тогда он будет считать, что вы отказались.

— А если я позвоню в восемь ноль одну?

Пауза. Виктория, кажется, не оценила шутку.

— Он будет считать, что вы отказались, — повторила она.

Ева положила трубку и посмотрела на часы. Половина третьего. У неё было пять с половиной часов.

Она пошла на работу. У неё была подработка — оформление витрин в маленьком книжном магазине на Покровке. Хозяин, интеллигентный старик с бородой, платил мало, но вовремя, и разрешал ей пить чай с сушками в подсобке.

— Что-то ты сегодня бледная, — сказал он, наблюдая, как она расставляет книги. — Не заболела?

— Нет, — сказала Ева. — Просто думаю.

— О чём?

— О том, продаётся ли душа за квартиру.

Старик хмыкнул.

— Дорого берут? — спросил он.

— Дорого, — сказала Ева.

Она расставляла книги и думала. Думала о том, что скажут люди. Думала о том, что скажет её бывший жених, если узнает. Думала о том, что сказала бы мама.

Мама бы сказала: *«Ева, солнце, ты слишком гордая. Это твоя беда. Гордость — это роскошь для тех, у кого есть деньги. У нас их нет. Бери то, что дают, и не спрашивай, почему.»*

Мама умерла три года назад. Рак. Быстро. Несправедливо. Ева осталась одна с её долгами и её лавандой.

В пять часов она вышла из магазина. До восьми оставалось три часа. Она шла пешком, не разбирая дороги. Дождь закончился, но воздух был влажным и тяжёлым. Город пах мокрым асфальтом и чужими сигаретами.

Она остановилась у витрины ювелирного магазина. Внутри, на бархатных подушках, лежали кольца. Маленькие, блестящие обещания. Ева подумала: а если бы он подарил ей кольцо? Настоящее? Как бы оно выглядело на её руке?

Она тряхнула головой и пошла дальше.

В семь тридцать она стояла у своего подъезда. Телефон в кармане был холодным, как камень. Она достала визитку. «Александр Волков. Генеральный директор». И номер. Прямой. Без секретаря.

Она набрала его в семь сорок две.

Он ответил после первого гудка.

— Морозова, — сказал он. Не спросил. Опять констатировал.

— Я согласна, — сказала она. Голос не дрогнул. Она гордилась этим голосом.

Пауза. На другом конце провода было тихо.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Завтра в десять утра. Тот же кабинет. Мы обсудим условия.

— Условия? — переспросила Ева. — Вы сказали, что заплатите столько, сколько нужно. Разве это не всё?

— Это не всё, — сказал он. — Во-первых, вы должны подписать соглашение о неразглашении. Во-вторых, вы должны переехать ко мне. В-третьих — и это самое важное — у нас будут правила. Я не люблю сюрпризов.

— Правила, — повторила Ева. — Какие правила?

— Завтра в десять, — сказал он. — Узнаете.

И положил трубку.

Ева посмотрела на телефон. На экране ещё горело: «Вызов завершён. Длительность: 47 секунд». Сорок семь секунд. За сорок семь секунд она продала свою независимость.

Она поднялась в квартиру, села на диван и просидела так до полуночи. Пятно на потолке смотрело на неё, как глаз.

Утром она надела лучшую блузку — ту самую, с пятном от кофе на манжете (пятно она вывела, но след остался), — и строгие брюки. Волосы собрала в пучок. Нанесла блеск для губ, потом стёрла. Потом нанесла снова.

«Гербарий» был в сервисе, поэтому она вызвала такси.

Таксист — пожилой мужчина с радио, настроенным на шансон, — всю дорогу рассказывал ей про свою бывшую жену. Ева кивала и не слушала.

В десять ноль одну она вошла в кабинет.

Александр сидел за столом. На этот раз он встал, когда она вошла. Ева отметила это как маленькую победу.

— Пунктуальны, — сказал он.

— Вы сказали, что цените своё время, — ответила она. — Я решила не испытывать судьбу.

Он указал на стул. Она села. На столе лежала папка — толстая, с закладками. Рядом — ручка.

— Это соглашение, — сказал он, садясь напротив. — Прочитайте. Если что-то непонятно — спрашивайте.

Ева открыла папку. Мелкий шрифт, много страниц. Она читала, шевеля губами. Пункт первый: неразглашение. Пункт второй: сроки. Пункт третий: компенсация. Пункт четвёртый: правила поведения.

— «Правила поведения», — прочитала она вслух. — Пункт четыре. Один: никаких личных вопросов. Два: никаких прикосновений без необходимости. Три: никаких поцелуев при свидетелях. Четыре: никаких...

Она замолчала.

— Никаких эмоций, — закончил он за неё. — Это игра, Морозова. Я не хочу, чтобы вы в неё влюбились.

Ева подняла на него глаза.

— Вы серьёзно?

— Абсолютно. Я видел, как это происходит. Женщина играет роль, потом начинает верить в неё. Потом начинаются слёзы, объяснения, требования. Мне это не нужно. Поэтому правила. Вы играете. Я плачу. Все довольны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.